

ЗАЗИМОК

РАССКАЗ

НАЧАЛО зимы было хмурое, похужее больше на позднюю осень или скорее на ветреный март. Холодное солнце прорывало по временам быстро несущиеся тучи, и тогда скользкий свет обливал голые поля, делая даже озими медно-желтыми; потом сразу темнело, поля чернели и придорожные кусты то выпрямлялись, то гнулись под ветром, и с них стайками слетали последние листочки. А потом в одну ночь зима властно, широко и тихо покрыла землю снегом, она действовала тайком всю ночь, без шума, и утром все было бело, пухло, полно нежной красоты зазимка.

Саночки, которые колхоз выслал к поезду, были с ивовым задком и внутри обиты вытертой ковровой материей. На облучке саней сидел подросток, столь ангельски румяный и с такими соболиными бровями, что его можно было принять за переодетую девушку.

— Мы вас прямо не знаю как дожидались, — сказал он Неделину звонким, под стать свежести воздуха, голосом. — Наш школьный драматический кружок специально для вас сцены из Пушкина приготовил... А я — Вася Окромчеделов.

Лошадь, запряженная в санки, была старая, с длинной печальной мордой, и по дороге затем как бы давала испытать всю прелесть неспешной езды по первопутку с его молодым, эфирно пахнущим снегом и всем тем, что составляет очарование русской зимней природы.

— Знаете, — сказал Вася, поворачиваясь бочком к седоку, — я еще ни разу не видел заслуженного артиста... вы первый.

— Ну, и как? — осведомился Неделин. — Не очень страшен на вид?

— Ну что вы, — сказал Вася почтительно. — Мы хотим в уголке наших знатных земляков ваш портрет повесить... У нас в школе есть такой уголок, там и портрет заслуженного учителя Строева висит, и старинного писателя Сабанеева, он тоже из нашего села.

— Это хорошо, что вы повесили портрет учителя Строева, — одобрил Неделин. — Я ведь у Леонида Михайловича учился.

— Между прочим я в нашем драматическом кружке по режиссерской части помогаю, — сообщил Вася. — А трудно стать артистом? — спросил он, уже совсем поворачиваясь к седоку.

— Все, брат, в жизни трудно, если хочешь, чтобы хорошо получилось, — вздохнул Неделин, — труд, труд и прежде всего труд... Ну, а в нашем деле и талант, конечно.

— Я вас сейчас в «Дом колхозника» отвезу, — сказал Вася. — Там для вас комната приготовлена. А я только лошадь поставлю и сразу вернусь... Утренник в три часа начинается, а мне еще переодеться и загримироваться надо. Знаете, мы так обрадовались, когда вы согласились приехать. Наш директор сказал, что вы вряд ли приедете, наверно, очень заняты в театре. А мы решили, что все-таки напишем вам... все-таки, может быть, выберете время поглядеть на нашу работу. Мы сцену «Курчма на литовской границе» из «Бориса Годунова» приготовили и первую сцену из «Скупого рыцаря». Я, между прочим, Альбера играю.

— А знаете, — хитро прищурился он, — мы ведь по билетикам разыграли, кому за вами на станцию поехать... Досталось мне.

Вася вспомнил вдруг о своих обязанностях возницы и, повернувшись спиной, ударил лошадь вожжами и сказал: «Н-но, слушаешь!» со сноровкой бывалого ездока.

Скоро на горизонте млежно белевшего поля стали видны крыши крайних домов села, и Неделин смутно и грустно вглядывался в то, что было частью его жизни когда-то, единственным местом на земле, без которого казалось немислимым существование; и вот уже добрых пятнадцать лет не был он здесь, и театр с его жесткими требованиями и жестким, но именно поэтому и прекрасным, трудом давно увел его совсем в другую сторону.

СО СЛОЖНЫМ чувством грусти и радости въезжал он в родное село, и позднее, стоя у окна в номере колхозной гостиницы, с этим же чувством смотрел на деревенскую улицу. В номере было

тепло и чисто, на постели лежало белое пижамное одеяло поверх шерстяного, а на столе — наушники радио, бормотавшие сами с собой. За окном, на старой ветле, натуживаясь и наклоняясь вперед, каркала ворона; какой-то старательный мальчуган в валенках и шапке-ушанке вез саночки, в которых чинно сидел закутанный в платок дитенок; проехала машина с бидонами — поблизости был молочный завод, и куда-то неторопливо шел человек с портфелем, видимо, растягивая удовольствие пройтись по морозцу.

Как-то, придя в театр на репетицию, Неделин нашел на полочке для писем конверт со старательно выведенным его именем. Он торопился, сунул письмо в карман и только вечером, после спектакля, вспомнил о письме.

«Многоуважаемый товарищ Неделин, — было написано тем же старательным почерком. — Когда-то вы учились в нашей школе, а теперь вы заслуженный артист, а у нас в школе есть драматический кружок, и мы ставим на нашей школьной сцене спектакли. Мы сейчас приготовили сцены из Пушкина и просим вас приехать посмотреть и сказать, может быть, среди участников есть тоже таланты. Если вы согласитесь, дайте только телеграмму». — И Неделин сразу же ответил, что приедет, испытав почти возвышенную радость от того, что его помнят и что еще возможны моменты такого, казалось, навсегда ушедшего счастья.

— Вот что, брат, — сказал он, когда вернулся, сдав колхозному конюху лошадь, запыхавшийся Вася Окромчеделов, — не успеем ли мы с тобой зайти по дороге в колхозный клуб... Хочется посмотреть мне на сцену, на которой выступал я в первый раз когда-то.

— Отчего же, — сказал Вася готовно. — Зайдем по дороге. Только в клубе сейчас ничего не происходит, а кино будет вечером.

— Вот это именно и хорошо, что ничего не происходит.

— Знаете, что мы еще задумали? — говорил Вася оживленно, уже на улице. — Повесить памятную доску на доме, в котором родился писатель Сабанеев... Сейчас там почта помещается, а райком нас, наверно, поддержит. Правда, отчего не поддержат? Ведь хорошо, когда отмечают память известных людей.

— Конечно, хорошо, — отозвался Неделин. — Конечно, хорошо, когда не забывают славных людей... Вот и я добром вспоминаю старого учителя Строева, многому он меня научил, я ему обязан и тем, что стал артистом.

ЗДАНИЕ клуба было сейчас заново покрашено в охровый цвет, у входа висели афиши, а внутри полутемный зал, казалось, дремал в ожидании зрителей. Неделин прошел знакомым коридором до двери, которая вела за кулисы. Здесь было уже все по-театральному, стояли задники, пахнущие клеевой краской, и вместо керосиновых ламп с жестяными рефлекторами, освещавших некогда сцену, висели софиты с цветными стеклами. Один из задников изображал широкую реку с песчаным берегом по другую сторону, и Вася Окромчеделов осведомленно сообщил, что это из «Грозы» Островского.

— Завидую тебе, брат, — сказал Неделин, обращаясь больше к самому себе, — завидую, что юность у твоих ног и все радости с тобой, а то трудное, что пришлось узнать нам когда-то, давно позади. Уже не керосиновые лампы, а прожекторы освещают эту сцену, освещают и тех, кто ныне выступает на ней. Когда-то и мы выступали здесь, мы были совсем неопытной колхозной молодежью, еще только учились познавать волшебное искусство слова, но мы ставили и «Урок дочкам» Крылова, и «Анджело» Пушкина, и даже сцены из «Маскарада» Лермонтова... Многих из участников нет уже в живых, погибли на войне, но есть вы, вам дано ныне действовать, и это

прекрасно, брат, так прекрасно! — Неделин подошел к краю рамп, задумался на миг, вспоминая начало «Анджело», и произнес в гулкую пустоту полутемного зала: «В одном из городов Италии счастливой когда-то властвовал предобрый, старый дук, народа своего отец чадолюбивый, друг мира, истины, художеств и наук...».

Вася Окромчеделов стоял поодаль и восторженно смотрел на артиста.

— Знаете, это все-таки здорово, что вы приехали, — сказал он, когда тот направился к выходу. — Мы, между прочим, держали пари на коробку с гримом, приедете вы или нет, выходит — я выиграл.

— Грим я тебе пришлю, — пообещал Неделин, — пришлю хороший грим, и Пушкина пришлю, полное собрание сочинений... Будем считать, что у нас с тобой установилась, как говорится, творческая связь.

А потом было все то, что пережили он сам когда-то: был такой же, как некогда, притихший зал, и колхозники-зрители, в большинстве родители тех, кто выступал сейчас на сцене, и толчками поползший раздвигаемый занавес, и декорация, изображающая грубую каменную кладку башни, в которой Альбер рассматривает поданный ему шлем.

«Пробит насквозь, испорчен. Невозможно его надеть. Достать мне надо новый. Какой удар! Проклятый граф Делорж!» — произнес печальным, мужественным голосом Вася Окромчеделов, одетый в серое трико.

Она была жива, его, Неделина, юность, и, кто знает, может быть, из этой сельской школы, как некогда из колхозного клуба, выйдет на столичную сцену новый актер или из пушкинской речи возникнет слово будущего молодого поэта... А потом в роли озабоченной хозяйки курчмы на литовской границе выступала тринадцатилетняя Люда Строева, внучка Леонида Михайловича Строева. «А господь его ведает, вор ли, разбойник, только здесь и добрым людям ныне прохода нет», — беспокойно говорила она, переставляя штофы на стойке, и Неделин вспомнил, как, преодолевая страх и смущение, произносил он в роли Анджело полные сумрачной страсти слова: «Поймешь: люблю тебя... Люби меня, и жив он будет», и как старый учитель Строев сказал тогда: «Ай да курносый... ай да курносый!», и не было большего счастья, чем заслужить, чтобы он сказал так.

Рано утром, еще на рассвете, за Неделиным заехал на грузовике шофер молочного завода. Поезд был проходящий, и пока ехали на станцию, кругом стояла еще глубокая ночная синева.

— Выступать приезжали? — осведомился больше из вежливости, чем из любопытства, пожилой неvyšавшийся шофер.

— Вроде этого, — отозвался Неделин.

— Певец?

— Да, скорее певец... скорее всего, певец. Только голоса не хватает спеть про все это... а спеть следовало бы!

Шофер покосился на него и больше ничего не спросил: может быть, хлебнул на дорогу артист, он не за рулем, ему можно... Но Неделину и самому казалось, что он хлебнул и захмелел и от свежести зазимка, и от всего того, что никогда не уходит, а течет, как родник, становясь только полноводней от времени.